

УДК 111

© А. С. Табачков, 2010

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ

Табачков А. С. – канд. филос. наук, доц., докторант Института философии НАН Беларуси; тел.: 8 (0212) 47-05-62, моб. +37-529-217-7581, e-mail: tabachkov@list.ru,

В статье анализируются онтологические и гносеологические свойства исторического прошлого с точки зрения, прежде всего, динамики влияния его событий на процессуально трактуемое развитие социокультурного бытия. При этом для интерпретации прошлого рассматривается как механизм выявления и актуализации смыслов случившегося и реализации его причинного потенциала. Согласно концепции статьи, акты интерпретации и реинтерпретации обеспечивают диалектическую связь развивающейся социокультурной ситуации и исторического контекста.

In the article the ontological and gnoseological characteristics of the historical past are analyzed mainly in respect to influence dynamics of its events on development of procedurally interpreted socio-cultural existence. At the same time continuing interpretation of the past is considered as the mechanism of revealing and actualization of the meanings of event and realization of its causal potential. According to the concept of the article the acts of interpretation and re-interpretation provide dialectical connection between developing socio-cultural situation and historical context.

Ключевые слова: историческое прошлое, интерпретация прошлого, процессуальная онтология, сфера ретрореференций культуры.

Ответ на вопрос «Что такое прошлое?» следует, по-видимому, начать с констатации нетождественности, в том числе нетождественности онтологической, совокупного прошлого социокультурной эволюции и исторического прошлого. Первое – это сумма всего, что произошло ранее, глобальное прошлое всего настоящего, не поддающееся тематизации ввиду своего недифференцируемого всеприсутствия. Никак не структурированное – ценностно, этически или еще как-либо – такое абсолютное, но в тоже время *абстрактное* прошлое лишено, подобно «третьему миру» К. Поппера, познающего (а значит, и структурирующего, организующего) субъекта. Причем эту совокупность всего случившегося с людьми нельзя представить как некий космос,

а обращающегося, подобно астроному, к его глубинам историка как некоего исследователя-первооткрывателя, ранее потаенного. Никаких «глубин» попросту еще не существует, как не существует в этой области познания самого момента погружения в ранее абсолютно неведомое. Это никак не структурированное «прошлое вообще» еще не является каким-либо порядком или даже его противоположностью, ведь само наличие хронологии уже предполагает рационализирующее вмешательство исследователя.

Последний тезис, конечно, нуждается в некоторой детализации: бытие прошлого, по крайней мере в контексте используемой нами процессуальной онтологической схемы, является *сообщающим предъявлением сущности*, формой взаимодействия с иным. Заметим, что это верно – может быть верным, категоричность суждений здесь неуместна – не только в рамках процессуальной онтологии. Так, М. Хайдеггер полагал, что все наделенное историчностью само всегда пребывает во взаимосвязи становления. Можно утверждать, что в той единственно доступной нашему пониманию области реальности – в сфере действия сил рационализации – сообщение сущности происходит в динамике дискурсов культуры.

В рамках используемой в данной статье процессуальной схемы репрезентации бытия, прошлое это не то, что «прошло», сущее, которое было и уже никогда не будет. Напротив, событийно организованное сущее исторического прошлого это то, «что пришло и осталось», осталось в горизонте доступного рациональности бытия. От текущей ситуации настоящего оно отличается тем, что мы в большей степени вольны пускать или не пускать его в горизонт актуального бытия, вправе выбирать, чему наследовать, а что нам предать забвению. Историческое прошлое это потенциально доступные для дискурсивной актуализации смыслы событий предшествовавших настоящему этапам бытия сущего. В рамках процессуальной модели бытия выбор памяти – это онтологическая селективность разума, решающего, какому событийному ряду длиться, а какому быть, по крайней мере, на время, прерванным, какому событию породить дихотомию смыслов, актуализирующихся в событиях настоящего – будущего, а какому пока оставаться в тупике архива. Настоящее – будущее обладает ретроактивностью, уравнивающей в динамике мирового процесса способность прошлого к перспективной трансляции своего влияния.

Что же касается непосредственно проблематики трансляции элементов прошлого, то следует отметить ее осложненность серьезными эпистемологическими парадоксами, генерируемыми, в первую очередь, самой историчностью субъектов познания, а также общественного сознания в целом. Несмотря на это можно, и как представляется, с достаточными на то основаниями, предположить, что транслируются лишь те элементы прошлого, которые обладают потенциалом встраиваться в каузальные связи хронологически удаленных событий и событийных рядов, что, в свою очередь, обеспечивает их значимое и эффективное, по своему характеру, присутствие в других темпоральных горизонтах бытия. Это подразумевает их качественную стабильность, в

плане же дискурсивно-символическом они обязательно должны обладать определенной смысловой целостностью.

Вышеуказанные особенности транслируемых элементов прошлого являются одновременно проявлением их способности длительно бытийствовать в качестве одного из условий, определяющих динамику онтологического процесса. Такой способный к трансляции элемент должен, наряду с каузальной потенцией, обладать идентичностью, сохраняющейся несмотря на вовлеченность в связи с качественно и генетически сильно от него отличающимся иным. В контексте данной онтологической схемы это свойство транслируемого прошлого может пониматься как его способность противостоять метаморфической силе актов интерпретации и, более узко, как стабильность при многократных концептуально-контекстуальных переходах.

Таким образом, историческое прошлое – это репрезентация начавшихся ранее, но все еще длящихся, развивающихся событий и событийных рядов в культурных горизонтах настоящего. Существование актуальной истории фундируется нашим вниманием к прошедшему и серьезность этого внимания объясняется тем, что историческое прошлое ни в коем случае не является неким однажды полученным и более не требующим никакой заботы духовным наследством, напротив, его сохранение и пользование им требует непрерывной культурной работы. В социумах западного типа историческое прошлое не принимается как данность, каждая новая генерация критически модифицирует его в своих целях и сообразно со своими эпистемологическими и эстетическими стандартами. Заметим, что далеко не всегда можно даже по прошествии времени разглядеть в этих усилиях создать новое, «свое» прошлое, прямую прагматическую необходимость, некий бесспорно рациональный мотив неприятия унаследованного исторического нарратива. Возможно, что такая «подвижность» прошлого служит залогом готовности создавать и обживать социокультурные пространства будущего.

Дискурс интерпретации существует как структурированное целое, посредством концепт-контекстуальных переходов образующее смысловое ядро (концепт) и окружающее его контекстуальное поле. Сообщая и приобретая смыслы, дискурс значимого события не теряет поэтому цельности своего значения. Эта цельность обеспечивается системой внутренних самозамкнутых референциальных связей его глубинного смыслового ядра. А поскольку каждый значимый исторический дискурс многократно и многовариантно инстанцируется в культуре, то его окончательная, безвозвратная утрата происходит довольно редко, а сознательное целенаправленное уничтожение является делом достаточно трудным; с последним обстоятельством хорошо знакомы правящие элиты несвободных обществ.

Современная трактовка проблематики идеализации [1] предполагает, что в научной или философской работе мы почти всегда оперируем лишь концептами или категориями, репрезентирующими те или иные феномены. Понятно, что чем более конкретную область действительного или возможного описывает тот или иной концепт (категория), тем меньше риск абстрактной

редукции дискурса, в котором таковой задействован.

В свете этих соображений концепт «Историческое прошлое» выглядит, как представляется, действительно, «не лучшим образом» [2]. Именно поэтому предпочтительнее, на наш взгляд, всегда говорить о конкретных интерпретациях тех или иных анализируемых событий. Эта невозможность в серьезном, а не в упрощенном дискурсе говорить об историческом прошлом как о некоей тотальности, по сути, исключает также саму возможность прошлого как некоего гомогенного монолита и тем более аксиологически структурированного прошлого-предания.

Таким образом, под категорией «Историческое прошлое» следует понимать, прежде всего, динамическую, взаимодействующую и взаимообуславливающую совокупность актуальных интерпретаций событий минувшего, образующуюся и существующую в особой сфере *ретрореференций* культуры. Акты интерпретации и реинтерпретации прошлого обеспечивают диалектическую связь развивающейся социокультурной ситуации и исторического контекста, и поэтому каждому новому состоянию социума соответствует свой, особенный комплекс актуальных на этот момент дискурсов прошлого.

Историческое прошлое и история как его дискурсивная репрезентация онтологически необходимы друг другу. Процессуальность исторического бытия делает невозможным наличие любых непреодолимых границ между его темпоральными горизонтами и подразумевает признание существования непрерывных и бытийно значимых, по своим последствиям, интеракций между хронологически разделенными событиями. Но прошлое, будучи однажды востребованным, не может просто вернуться в социоисторическую динамику настоящего, оно уже сущностно иное по сравнению с ним. Элементы прошлого, коль скоро настоящее – будущее нуждается в них, должны быть адаптированы к новым условиям актуального мира, что, собственно, и осуществляется в актах интерпретации и реинтерпретации.

Прошлое обеспечивает возможность динамического развития культуры, поэтому основополагающая онтологическая функция истории как дискурсивной практики это соединение хронологически и событийно разделенного. Дж. Г. Мид так писал об этом: «Характер прошлого заключен в его способности вновь соединять разъединенное в переходах настоящего» [3] (перевод мой – А. Т.). При этом по мере духовного развития общества роль интерпретации в этом постоянном сохранении целостности увеличивается: традиция постепенно уступает место креативно-личностному, критическому отношению к истории, и одновременно с этим прошлое постепенно перестает существовать как тотальность. Движение от мифа к научной историографии – это движение от гомогенного предания к гетерогенности конкурирующих интерпретативных дискурсов.

Понятно, что в этом случае интерпретация должна рассматриваться не как временная процедура, вызванная слабым, в сравнении с естественными науками, развитием методологического аппарата социально-гуманитарного знания, но как особый, гносеологически автономный способ познания: буду-

чи познанием целостных уникальных феноменов, интерпретация никогда не может быть до конца подчинена диктату какой-либо доктрины или сведена к одному какому-то методу. Стратегии развития социально-гуманитарного знания, подобные той, которую предложил в свое время В. Дильтей («Науки о духе должны... дойти до определенных приемов и принципов в своей области, совершенно так же, как это сделали в свое время науки естественные» [4]), все же содержат в себе определенную интенцию унификации и исходят из достаточно спорного предположения, что приемы и принципы все еще предстоит отыскать, данная область познания полагается как бы временно обходящейся без таковых. Часто в прошлом сравнение естественных и социальных дисциплин почти всегда проводилось без учета более сложного – ввиду известной проблемы так называемой двойной субъективации – характера научных проблем социально-гуманитарного знания, дисциплины которого глубоко интегрированы в общество, то есть, по сути, в собственный объект. Это, в свою очередь, делает невозможным радикальное субъект – объектное разделение.

Другим чрезвычайно важным обстоятельством является то, что любой социально-гуманитарный дискурс в той или иной степени базируется на интерпретации исторического нарратива, знание о прошлом поэтому имеет выраженный трансдискурсивный характер. Это объясняется тем, что момент исторической динамики является конститутивным в самом акте познания социокультурной реальности, попытка «схватывания» вектора развития ситуации, пусть даже только в рамках оппозиции «прогресс – регресс», всегда имеет место. Обозначение, хотя бы имплицитное, видения автором направления развития входит в социально-гуманитарном знании в структуру развернутого высказывания, в логическую схему дискурсивного «Так обстоят дела», если воспользоваться здесь известным выражением Л. Витгенштейна. Характерно, что вне границ собственно исторической науки масштабы подобных интерпретаций и глобальность фиксируемых с их помощью тенденций заметно увеличиваются. И эти интерпретации, как отмечает А. Нехамас, всегда «в сути своей ценностно-нагружены и полемичны» [5] (перевод мой – А. Т.).

Классические схемы теоретического конструирования, наподобие той, которую Р. Нозик обозначает термином «неэгалитарная теория» [6], мало применимы в социально-гуманитарном знании. Дело здесь, по-видимому, в том, что прямолинейная логика детерминизма, лежащая в основе этих схем, не всегда подходит для работы с теми феноменами, с какими приходится иметь дело при изучении социокультурной реальности. Сама цепь каузальности, которая здесь усложнена за счет звена взаимодействия события и динамического целого культуры, за счет этапа «инкультурации», если воспользоваться термином С. Тулмина [7], изначально имеет определенный, как называл это У. Джеймс, «избыток актуальностей», и поэтому требует от претендующей на конгруэнтность гипотезы или теории учета этих особенностей объекта исследования.

Многие привычные приемы анализа исторического материала базируются на таких «неэгалитарных» логических конструкциях. При этом недостатки подобных способов построения дискурса становятся заметнее с ростом масштаба исторических событий, толкованию которых посвящен тот или иной из них. Так, когда Р. Сервис таким вот образом подводит итог советского периода российской истории – «Цена [ущерба от] советского правления сильно перевесила [его] преимущества» [8] (перевод мой – А. Т.), то не может не возникнуть вопроса о тех, так сказать, «весах», с помощью которых автор делает свой радикальный вывод. Кроме того, подобная процедура предполагает наличие некоего эталона, некой идеальной России, и поскольку Р. Сервис никак эту свою идеальную модель не эксплицирует, то и весь его анализ оказывается вне сферы гносеологически приемлемых дискурсов.

Невозможность представить историчный мир культуры как сциентистскую совокупность сущностно-идентичных событий [9, 10] делают креативную по своей природе процедуру интерпретации главным средством познания исторического прошлого. Процессуальный характер, присущий реализации феномена событийного исторического прошлого, требует, чтобы для его познания применялась такая, также процессуальная по своей сути, процедура познания, как интерпретация. Более того, как мы увидели, бытие-в-знании, раскрывающее его смыслы пребывание в метаморфозах интерпретаций и реинтерпретаций, является необходимым этапом совокупного бытия исторического события в целом.

Библиографические ссылки

1. Левин Г. Д. Идеализация // Вопросы философии. 1999. № 4.
2. Табачков А. С. Интерпретация как способ познания исторического прошлого. Минск, 2007.
3. Mead G. The nature of the past // Selected writings: in 4 vol. Bobb-Merill, 1964. Vol. 2. 1964.
4. Дильтей В. Описательная психология. СПб., 1996.
5. Nehamas A. Nietzsche. Life as literature. Cambridge, Massachusetts; London, England, 1996.
6. Nozick R. Philosophical explanations. Cambridge, Massachusetts, 1996.
7. Toulmin S. Human understanding Princeton, 1977.
8. Service R. A history of twentieth-century Russia. Cambridge, Massachusetts; London, England, 1998.
9. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. К генеалогии морали. Рождение трагедии. Воля к власти. Посмертные афоризмы; пер. с нем. Минск, 2000.
10. Nietzsche F. The will to power; trans. W. Kaufmann., R. Hollingdale. N. Y., 1968.